

Глеб Иванович Успенский

Спустя-рукава

Глеб Успенский
Спустя-рукава

«Public Domain»

1868

Успенский Г. И.

Спустя-рукава / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1868

«...Проходили годы, а он по-прежнему жил у тетушек, собирался держать экзамен, выкуривал тысячи папирос, думал, тосковал и, наконец, очутился в уездном городке учителем... «Вот где моя пристань!» — думал он, въезжая в город и озирая разоренные лачужки и повалившиеся плетни. «Что ж? здесь-то и делать дело!» — сказал он себе и почти с удовольствием перенес все неприятные ощущения, которые ему пришлось испытать, нанимая квартиру, знакомясь с учителями и училищем. Квартира его была простая лачуга, с грязным полом, перекосившимися стенами и сверчками; за стеной постоянно стучал молот жестяника и раздавался рев ребят, не дававший ему «подумать»; в окна глядела улица с измазанными грязью свиньями, забор и за забором бурьян...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Глеб Иванович Успенский

Спустя-рукава

(Из провинциальных заметок)

I

Певцов был молодой человек, но молодость его постоянно отравлялась томительным нытьем о собственном положении, томительным ожиданием деятельности и в то же время полным бездействием. Где бы он только ни бывал, странствуя и в городах и в деревнях, – везде, и особенно в столицах, Певцов проживал у каких-нибудь родственников, собирался что-то начать, заняться основательным изучением чего-то, задумывал держать экзамен то в то, то в другое учебное заведение, бесконечно тосковал неопределенным положением в качестве приживальщика или дармоеда тетушкиных хлебов, курил множество папирос и шатался без всякого дела; живя, например, в Москве, он целые дни вялыми шагами перебирался с бульвара на бульвар, угрюмо смотря на проходящих, останавливался перед толпой народа, начинал вслушиваться, но тоска гнала его дальше, и вот он где-нибудь в Кремле, заложив руки назад, смотрит на царь-колокол... Ему не хочется идти домой; там его ожидают любопытные глаза тетушек, желающих знать, не сумел ли их племянник куда-нибудь пристроиться, не обеспечил ли, наконец, себя, прошлявшись целый божий день?.. Вспоминая об этих любопытствующих взглядах, племянничек делался еще мрачнее. «Эти идиоты, – мысленно ругался он, – и знать не хотят, что делается у меня в голове... хорошенько подумать не дадут... им бы только с шеи спихнуть». И он опять плелся на Пресненские пруды, решая сегодня же бросить своих тетушек, да заняться хорошенько, да выдержать экзамен, потом «плюнуть всем им в морду», потому что они не знают, что такое он... И вдруг в голове его возникают вопросы: «Что же такое он в самом деле... и какие такие у него особенные вещи в голове?..» Это снова повергало его в тоску...

Проходили годы, а он попрежнему жил у тетушек, собирался держать экзамен, выкуривал тысячи папирос, думал, тосковал и, наконец, очутился в уездном городке учителем...

«Вот где моя пристань!» – думал он, въезжая в город и озирая разоренные лачужки и повалившиеся плетни. «Что ж? здесь-то и делать дело!» – сказал он себе и почти с удовольствием перенес все неприятные ощущения, которые ему пришлось испытать, нанимая квартиру, знакомясь с учителями и училищем. Квартира его была простая лачуга, с грязным полом, перекосившимися стенами и сверчками; за стеной постоянно стучал молот жестяника и раздавался рев ребят, не дававший ему «подумать»; в окна глядела улица с измазанными грязью свиньями, забор и за забором бурьян. Училище тоже неприятно подействовало на него своим разрушенным видом, стертыми досками, ободранными стенами, изрезанными партами и проч. Все это рисовало в его воображении какое-то покинутое, заброшенное здание, где могут жить только летучие мыши и гнездиться ночные птицы. Он начинал дело с светлыми планами, и нервы его неприятно потрясались этою пустынною, веянием смерти и заброшенностью...

«Но, – думал он, – живут же люди и здесь!» – и принялся знакомиться с учителями, которые представились ему мучениками; но люди, которые жили здесь, то есть учителя, к удивлению Певцова, еще более увеличили в нем ощущение разрушенности и смерти. Они сами были развалины: они давно уже служили здесь и привыкли ко всему. Появление нового лица родило в них относительно его какое-то враждебное чувство – они сторонились Певцова, старались отнекиваться и вежливость его объясняли желанием подделаться к ним, да потом и бухнуть директору, чтобы самому выскочить, а их погубить. Такой взгляд товарищей весьма опечалил Певцова; он недоумевал, но надеялся, что со временем они переменят об нем мнение.

Он не ошибся. «Что ж? – подумали товарищи, когда им надоело шушукаться, – пускай доносит... наше дело правое», – и стали смотреть на Певцова как на прощелыгу... «Прощелкался в Москве-то, – думали и говорили они, – вот и юлит...» Взгляд их еще более укрепился тогда, когда они узнали, что у Певцова нет ни копейки за душой, а у них были уже благоприобретенные норы, самовары, кровати и беспорочные формуляры. «Нам бояться нечего!» – думали они каждую минуту... С этих пор они перестали сторониться Певцова и шушукать в уголку; теперь они уже громко разговаривали о крестинах, больных желудках, больных *со вчерашнего* головах, предлагали друг другу средства к исцелению и трепали учеников за виски...

Скоро он помирился с разваленными стенами, с пьяными фигурами учителей, но решительно терялся при виде учеников. Эти рваные полушубки, эти худенькие детские ноги, вымазанные холодной осеннею грязью, эти тощие лица и уже мозолистые руки приводили его в недоумение. Он знал, что эти дети пришли поучиться у него уму-разуму; знал, что полушубки, в которых пришли они, сняты с отцов и братьев; знал, что отцы и братья с нетерпением ожидают возвращения их полушубков из школы, чтобы одеть их и отправиться за добычею: они еще вчера заметили в овраге дохлую лошадь, которую еще никто не успел ободрать. Об этой лошади думают теперь отцы и братья, об ней думают и ученики Певцова. Маленькие слушатели его – уже действительные, нужные члены своих семей и заинтересованы в них наравне со стариками и взрослыми. Чем он, Певцов, может пригодиться им? Разве хватит у него духа ограничиться только поправкою грамматических ошибок в том маленьком детском сочинении, где говорится, что «вчера у нас обвалилась печка, а отца нету дома – он повез продавать подсолнухи по деревням, всего на четвертак...» Какая польза этим трудящимся беднякам в том, что они узнают логический состав мысли, что орган вкуса есть язык, а Монблан имеет четырнадцать тысяч футов высоты? какая польза в подобных знаниях, когда, заплатив за них кровные три рубля в год, ученики его все-таки будут продолжать жить по-отцовски, в лютые морозы плестись по полю на клячонке в соседнюю деревню, чтобы распродать подсолнухи на ту же сумму в четвертак и надувать при этом своих собратий мужичков?.. Он не верил, чтобы все эти маленькие труженики добровольно отрывались на четыре года от семей; он видел тут какое-то строжайшее приказание... Опыт доказал ему совсем иное. На глазах его не один раз в училище приходили отцы и матери учеников и просили учителей наказать своих детей... Что им мешает драть и «полосовать» своих детей дома? Они дерут их дома, но не видят от этого никакого проку; им нужно, чтобы детей наказывали в училище. Следовательно, училище имеет некоторую силу: бедные отцы ждут от него чего-то... У них дома не находится одного из свойств нравственного влияния, необходимого для их детей; они полагают, что спасительница ихняя – это училищная казенная розга, укрепленная в чужих, ученых руках... Так думают необразованные отцы. «Но, – думал Певцов, – на нашей обязанности заменить эту розгу светлым нравственным влиянием».

На первых порах ему казалось, что в нем проснулась какая-то новая, страшная сила...

«Но, – думал он через две минуты, – чем же может быть он полезным в этом отношении?» Углубившись в разработку собственных нравственных сил, он с ужасом убедился, что ничего не может сообщить своим питомцам, кроме мыслей о пользе терпения, повиновения, послушания, труда... «Что такое?» – недоумевая, толковал он и приходил к тем же заключениям. Певцов почувствовал, что не эти ли истины, вколотенные в него с детства, с целью приучить его к существованию сидя на одном месте и быть довольным этим «определенным» положением, – были причиной того, что, оставшись без цепи, без привязи, сделанной чужими руками, он мечется из угла в угол, не знает, что делать, куда деваться?.. Мысль эта, мелькнувшая в его голове как молния, как молния и исчезла, но общий и душевный хаос, который подняло в его душе «дело», заставил его оказать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.